

СОВРЕМЕННАЯ ПРОЗА

ЮЛИЯ ВЕРБА

Адреналин

— Гляди: там, на склоне, пятно? На что похоже?

— Рыба!

— Ответ неправильный! Яблоко!

Пёстрая стайка подростков в джинсах и разноцветных майках галдела на веранде бара, рискованно перевешиваясь худыми туловищами через хлипкие перила. Они взмахивали руками в диковинных перстнях и ярких фенечках и показывали друг другу что-то на вершине горы.

— Груша!

— Ананас!

Николай Петрович не удержался и тоже взглянул вверх. На крутом склоне в скудной зелёной поросли темнело крупное пятно в форме зада. «Слепые они, что ли?» — удивился Николай Петрович, а ребята продолжали перебрасываться всё новыми и новыми версиями, вовсе неправдоподобными.

— Мяч!

— Лысина!

— Ж..., — неуверенно протянул ломкий баритон, и Николай Петрович обрадовался: «Наш человек!» Но одинокий голос правды тут же утонул в возмущённых криках.

— Какая тебе ж...? Звезда!

— Нет, сердце!

— Танька с Мишкой целуются!

Последнее предположение вызвало новый взрыв хохота и изменило общий ход мыслей.

— Вот такой поцелуй над бездной — и вниз!

— Витёк, а вниз-то на хрена?

— Да ты чё?! Такой адреналин!

— А если на куски? Скалы вон какие острые!

— А если нормально пройдёт, прикинь? Всю жизнь вспоминать будешь, как вниз летел. Узнаешь настоящий адреналин — чувство полёта!

— Ну, круто, наверное...

— Не, я лучше как-нибудь без адреналина перетопчусь...

Николай Петрович задумался. Действительно, вроде уже и жизнь прожил, а с адреналином как-то не заладилось. Вот хотя бы здесь, за границей. Наташка с подругой щебечут: «Ах, Родос! Ой, море! Ну, отель-пятёрка!» — и всё с восклицательными знаками. А у него каждая фраза точкой, будто гвоздём, приколочена: «Родос. Море. Отель-пятёрка».

И ведь всегда так было. Никакого чувства полёта и поцелуев над бездной.

Нет, поцелуи были, конечно. Ещё когда он в нефтяном институте учился. А куда ещё поступать, если во всём городе только два нормальных вуза: универ и нефтяной? Универ — женский, нефтяной — мужской: «бабе — цветы, дитям — мороженое». Вот и пошёл в нефтяной — правильный мужской вуз. А Наташка в универе училась. Дружили, встречались, женились, сына родили. Больше тридцати лет уже вместе, в доме тепло, мирно, уютно. Не ссорились почти, не ругались.

А вот чувства полёта не было.

— И вообще, фигня это всё: адреналин, ля-ля, тополя...

— Не скажи, Вова, не скажи. Настоящий адреналин это типа наркоты. Такой кайф, что люди ради него на всё готовы.

— А чё, ещё и ненастоящий есть?

— Настоящий — когда куришь, пьёшь, колешься, чтоб догнаться. А кайф кончится — и ты обратно в дерьме. А настоящий — живёшь и как бы всё время летаешь. И кайф этот в себе носишь.

— А откуда кайф-то?

— От верблюда! Сказал же, в себе каждый сам находит!

— Да ну, гонишь! Чё кто находит?

— Ну, силу там, смелость, чувство полёта...

— Ага, по ходу, смело на гору попрёшь, с силой перо вставишь — и полетишь!

Николай Петрович поёрзал на скользком кожаном стуле и с удивлением понял, что ему действительно интересен этот мальчишеский спор. И в свои сорок лет, и сейчас, накануне шестидесяти, он внутренне ощущал себя даже не Николаем (тем более не Николаем Петровичем), а Коляном. Понимал, что пора взрослеть и мудреть, старался скрывать свою «вечную молодость» от окружающих. Потом смирился и перестал стесняться. Поэтому сейчас прислушивался к «пацанскому» разговору с неподдельным интересом. А Витька (похоже, неформальный лидер) важно повторял оппоненту:

— Ясен хрен, чувство полёта не у каждого. Я тут вспомнил из одной старой книжки: «Рождённый ползать летать не может». Это про таких, как ты.

«Это про таких, как я», — догадался Николай Петрович. Ни силы, ни смелости, ни чувства полёта... И в карьере невысоко взлетел, и в профессии не слишком преуспел, хотя и проработал в НИИ после вуза целых двадцать лет. Взять Котю Глембоцкого (на одном курсе учились): маленький, хлипкий, за очками не видно, зато в сорок три года уже доктором наук был, отделом заведовал. А Колян, «комсомолец, спортсмен и просто красавец», до сих пор ещё без учёной степени, старший научный сотрудник. С другой стороны, Котя сразу после вуза в аспирантуру, защитился, «Изобретателя СССР» получил, а Колян — всё больше в баскетбол да по пиву. Так что грех обижаться: кому — чё, кому — ничё, кому — хрен через плечо. Тем более что потом война началась (или, как это принято сейчас называть, «спецоперация по наведению порядка в Чеченской республике»). Как ни назови, такое было время, когда у всех жизнь пошла через это самое... через плечо.

Вся штука в том, что непонятно было: кто, с кем, куда и зачем. И от всего этого непонятного некуда было спрятаться. Всё равно достанет: не сегодня так завтра. Кого — больше, кого — меньше, кого — раньше, кого — позже.

И «таких», и «не таких»...

— Такой — не такой... А «не такой» это как? Зашибись крутой да летучий?

— В экстриме узнать можно.

— Чё?

— Ну вот в кино. Идёт экстрим: война, враги, сваливать пора, а он вдруг раз — и всех замочил! Или, прикинь, одного в плен взяли. Вроде капец! Он такой валяется: у-у... му-у... всё хреново. А другой — если «не такой»: не скулит, под автоматом лыбится, а сам планы строит, и потом ка-ак...

Да уж... Точно Витька сказал: в экстриме узнать можно.

Не улыбался Колян под автоматом. И планы не строил, как всех замочить, когда летним вечером ему в центре города мешок на голову натянули, скрутили и в машину засунули. Колян даже не понял, в чём дело. Вертелся, пытался высвободиться, но его так крепко прижали к горячему потному сиденью, что и пошевелиться было невозможно.

В незнакомом городе или селе Коляна пинками выбросили из машины, грубо протащили по ступенькам и втолкнули в какое-то здание. Когда стянули с головы мешок, он оказался лицом к лицу с темноволосым мужчиной в поношенной полевой форме. Красивое лицо мужчины портило большое багровое пятно под левым глазом, и Колян нехотая вспомнил мамину поговорку: «Бог шельму метит». «Меченый» сидел на краю стола, покачивал ногой и спокойно рассматривал взъерошенного, мятого пленника. После лениво, будто нехотая, ударил Коляна по лицу и с отвращением процедил сквозь сжатые зубы:

— На ФСБ работаешь, с...?

Колян с трудом прошелестел разбитыми губами:

— Я в нефтяном институте работаю, в научно-исследовательском...

«Меченый» чему-то засмеялся и резко ударил Коляна в живот. Тут в комнату вошли ещё трое «полевиков», стали здороваться и обниматься

с «меченым». Колян за это время успел продышаться, но новый удар в грудь отбросил его к стене.

Мужчины подошли поближе. Один больно схватил Коляна за подбородок. Несколько мгновений все внимательно изучали его окровавленное лицо. Потом отошли и о чём-то заговорили между собой, явно потеряв интерес к пленному. Колян почти не понимал по-чеченски, только несколько ходовых слов знал. Но тут почему-то догадался, что его просто с кем-то перепутали. Догадка радости не принесла. Ясно было: всё равно не отпустят.

Так и случилось. Коляна вытолкали во двор и прижали лицом к стене какой-то ветхой постройке. Обернувшись, он увидел направленные на него автоматные стволы. Колян где-то слышал, что в такие минуты — «на краю» — перед глазами человека проносится вся его жизнь. А сам ничего не вспоминал, будто не было никакой другой жизни, кроме этих нескольких мгновений. Только вяло удивился, что «меченый» не вышел в него стрелять: командир, наверное.

Хотел закричать, но только сипло промычал: «Эй, вы чего?» Двое «полевигов» молча посмотрели без всякого выражения и деловито щёлкнули затворами. Колян прижался к стене. Пальцы заскользили по неровной деревянной поверхности, зачем-то нащупывая мелкие щёлочки в разъехавшихся досках — как будто туда можно было спрятаться от выстрелов!

А потом оглушили автоматные очереди, которыми «полевики», как художники кистью, обводили его контур на старой деревянной стене. Тренировались. Колян осторожно пошевелил плечами и вдруг понял, что не убьют (если, конечно, рука не дрогнет). Во всяком случае, пока ещё не убьют.

И правда — не убили. Прогнали по двору, с трудом сдвинули в сторону крышку люка (канализация, что ли, удивился Колян) и сильным толчком сбросили вниз.

В узкой и глубокой яме стоял тяжёлый, смрадный запах. В углу скорчился бородатый мужик в рваной солдатской форме. Он поднял голову и что-то сказал, но слов Колян разобрать не смог, а переспрашивать не стал. Мужик назвался Фёдей (или Петей) из Волгограда. Или из Волгодонска. Или из Вологды. Понять было непросто, потому что мужик заикался. И зубов у него не было. Совсем.

В общем, с собеседником Коляну не повезло.

В яме было темно и сыро, а скоро стало мокро, и Колян догадался, что пошёл дождь. Неожиданно загрохотала крышка люка, и сверху спустился обрывок толстой серой верёвки. Пленники с трудом выбрались на скользкую поверхность двора. По команде «ложись» Федя-Петя плюхнулся лицом в грязь, а Колян осторожно опустился на согнутые руки и отжался. Один из конвоиров возмущённо закричал: «Ты спортсмен, да?» — и сильно пнул Коляна по рукам большим грязным сапогом. Несколько минут пленники лежали под дождём и слушали монолог одного из конвоиров, который матом предрёк печальную судьбу армии противника, обрисовал дальнейшие мрачные перспективы для Федю-Пети, а конкретно про Коляна почему-то промолчал. После этого матерщинник пинком направил Коляна обратно к яме, а молчаливый конвоир утащил Федю-Петю в глубину двора. Больше Колян его не видел.

Понятно, что ничего хорошего в этой ситуации ожидать не приходилось. И валялся Колян один в яме — именно так, как сегодня Витёк говорил: «у-у... му-у... всё хреново». Долго валялся, пока обстрел не начался.

Сначала просто короткой очередью: тадах! А потом так бить стало, что даже в яме уши закладывало. Колян потряс головой, посмотрел вверх: струя чёрного едкого дыма ползла к нему через большую светлую щель между стеной и крышкой люка. Странно! Щели этой раньше не было, а теперь она постепенно расширялась, будто кто-то невидимый пытался забраться в яму со двора. Колян решительно вдохнул тяжёлый дымный букет и, скользя по неровной стене своей тюрьмы, стал потихоньку подтягиваться. Срывался вниз, снова упрямо лез. Шестнадцать раз срывался, потом перестал считать. До сих пор Колян не может понять, как ему удалось тогда выбраться наружу...

Спор в баре продолжался.

— А ты типа «не такой»?

— Да, «не такой».

— Ну да... Ты красав! Защитник-кормилец, что ли?

«Кормилец наш Коленька», — называла Коляна интеллигентная Котина бабушка, Агата Вацлавовна, когда он привозил деньги из «командировки».

Она угощала его вкусными пирогами с начинкой из бурачных листьев. А ещё — чаем из трав, выпив который, Колян всякий раз начинал неприлично зевать от сытости и покоя. Потом, едва добравшись до дома, сразу же заваливался спать.

Действительно, он тогда для многих был если не защитником, то уж точно кормильцем.

Началось это в глухую осеннюю пору, в странное предвоенное безвременье, когда непонятно было: то ли ещё мир, то ли уже война.

Зарплату платить перестали, но на работу люди всё-таки ещё наведывались. Однажды Коляна вызвал начальник Сергей Иванович по важному делу. Оказалось, нашёлся богатый заказчик, готовый заплатить большие деньги за составление некоего проекта. Такой проект их тройка (Сергей Иванович, Котя и Колян) могла подготовить быстро. Но тут было одно «но». Даже, как выяснилось, целых два «но».

Первое: деньги на проект выдавались не как трём фактическим исполнителям, а как большому творческому коллективу, который срочно требовалось создать (хотя бы на бумаге), со всеми данными и подписями участников. С этим «тройка» достойно справилась: в творческий коллектив вошли члены их семей, родственники, соседи и редкие оставшиеся в городе знакомые. Для каждого из членов разношёрстного творческого коллектива «тройка» придумала особое занятие. Например, соседка, бабушка Тася, со средним школьным образованием, в счастливом браке с зубным техником Моисеем Ароновичем не проработала ни дня, но теперь, оставшись одна, очень нуждалась в деньгах. Ничем в работе над проектом она помочь не могла, но в списке исполнителей значилась «координатором мониторинга разработки нефтяных месторождений с применением углеводородного газа под высоким давлением».

Со вторым «но» дело обстояло хуже: представлять результаты совместного творчества нужно было в другом, далёком городе. Там же следовало получать наличные деньги за работу и везти их обратно. Понятно, что ни семидесятирёхлетний хромой Сергей Иванович, ни шестидесятикилограммовый Котя со зрением «минус шесть» на эту роль не годились. Выбор был невелик. Так Колян стал «кормильцем».

В «командировках» его отважно сопровождала Наташка, уже имевшая некоторый опыт перевозки ценных вещей. Уже целых полгода она (доцент вуза) дома шила по заданному крою шубы из меха нутрии.

Каждое готовое изделие Наташка собственноручно сдавала работодателям в грязноватом пластиковом пакете, в котором нежный мех соседствовал с вылинявшими полотенцами, свёртком с пирожками, бутылкой кефира и (высший пилотаж!) прозрачным пакетом со старыми колготками и ношеным женским бельём.

Бесприглядный способ транспортировки ценного груза, не раз спасавший женщину от грабителей и патрульных (по сути, мало отличавшихся друг от друга), был использован в «командировках». Перед отъездом «кормильцы» надевали ветхую и непрезентабельную одежду, укладывали папки с бумагами в надорванные целлофановые пакеты с выцветшими рисунками и надписями.

На обратном пути пачки честно заработанных денег паковали в несколько слоёв целлофана, заворачивали в грубую обёрточную бумагу, местами заботливо промасленную и испачканную. Потом ценный груз размещали в освободившиеся пакеты и даже клали в открытую сетчатую авоську рядом с продуктовыми свёртками и непременной бутылкой кефира.

«Кормильцы» возвращались домой утренним поездом, и тут для них начиналось самое суровое испытание. В городе действовал комендантский час, и тревожное раннее время до шести утра пассажирам приходилось проводить в замкнутом пространстве ещё неразрушенного зала ожидания под бдительным присмотром патруля.

Патрульные с равнодушными, непроницаемыми лицами медленно перемещались по залу, заглядывали в сумки, иногда вываливали их содержимое на затоптанный пол. Внимательно изучали проездные билеты и паспорта. Некоторых пассажиров грубо обыскивали, порой били автоматными прикладами и уводили с собой в неизвестном направлении. Некоторых уводили сразу, без обыска. В это время дудаевские «гвардейцы» рьяно искали среди местных жителей потенциальных «шпионов»: несколько знакомых Коляна уже пострадали за мнимую связь с ФСБ.

Трудно сказать, по какому принципу вычислялись жертвы. Забирали интеллигентных юношей с кожаными папками, базарных торговков с пузатыми клетчатými сумками, замызганных бомжей без всякого имущества. Разумеется, багаж «кормильцев» мог бы очень заинтересовать и порадовать стражей порядка. Но они, к счастью, почему-то подозрений

не вызывали. Главное было не встретиться взглядом с патрульными, вовремя отвести глаза. Колян с Наташкой старательно «не смотрели» на патруль и, как заклинание, шёпотом повторяли: «Только не меня!» И действительно, им везло, какая-то неведомая сила (может быть, Бог) старательно оберегала их в «командировках».

Зато как приятно было потом разносить по домам и вручать (пусть и небольшие) «зарплаты», которые «тройка» честно делила со своими «сослуживцами»! В самом деле, здорово быть кормильцем...

Тем временем Витёк нехотя признался:

— Ну, насчёт защитника-кормильца я пока не очень... Но летать смогу.

— Может, и с горы вниз полетишь?

— Может, и полечу. А ты всю жизнь ползать будешь!

— Это ты щас у меня поползёшь!

Дискуссия обострилась, но в драку не перешла. Друзья растащили спорщиков в разные стороны. Те нехотя заняли места по разные концы стола, но Витька всё-таки успел ещё раз предсказать другу его печальную участь:

— Вот так всю жизнь проживёшь-проползаешь!

Ответа Николай Петрович уже не услышал: подоспел юркий чернявый официант с горячей пиццей. Ребята занялись едой и затихли. Никто не вышел из-за стола. Желающих испытать чувство полёта не находилось. Похоже, про пятно на горе забыли.

Зато Николай Петрович не забыл. Он воровато оглянулся, отставил недопитый бокал и медленно сполз с высокого барного стула. Посмотрел на часы: вроде время есть, в запасе часа полтора-два. Жена с подругой по магазинам побежали: подарки купить перед отъездом. «Так что можно», — задумчиво протянул Николай Петрович. И твёрдо повторил: «Можно!» А что именно можно — в этом он даже самому себе ещё боялся признаться. Задумал такую несусветную глупость, что и вслух произнести стыдно.

Внутренний голос укорял: «Взрослый мужик, шестьдесят скоро, а прёшься невесть куда и зачем! А на хрена?»

Чтобы заглушить нудный голос разума, Николай Петрович стал тихонько скандировать в такт шагам: «А-на, а-на, а-на хре-на?» Он резво поднимался в гору, печатая шаг, и думал, что, наверное, как-то

неправильно жил. Несмело. Неярко. Без чувства полёта. Может, время такое было? Или это он бесчувственный?

Асфальт закончился. Дело пошло медленнее, Николай Петрович спотыкался на скользких неровных плитах и пытался вспомнить что-нибудь про адреналин из прошлой жизни.

Учёба и работа у Коляна никогда сильных эмоций не вызывали. Может, события какие-нибудь особенные были?

Детство. Родители купили Колянну велосипед, на зависть соседским пацанам. Ну, ездил с ветерком, друзьям покататься давал. Гимнастикой занимался, в теннис играл — как и другие. Когда выигрывал, не очень радовался. Когда проигрывал, тоже не слишком страдал... Нет, не то, не то!

Свадьба. Взволнованная румяная Наташка, немножко чужая в длинном парадном платье. Колян не задумывался, любит он её или нет. На вопрос «что такое любовь?» ответа не знал, да и стеснялся этого напыщенного «бабского» слова. Им с Наташкой всегда было хорошо вместе. Без полёта. Адреналина не было. А что было? Радость, спокойствие и какого-то глубокое родство. Как будто пришёл домой, где всё знакомое и родное. Где чисто, светло, тихо и тебя ждут.

Рождение сына. Колян приехал в роддом за Наташкой и Серёжей. Руки оттягивало букетами, конфетами, подарками, целой горой вещей. Никакого восторга — только беспокойство как бы чего не забыть. На сына смотрел с удивлением: личико некрасивое, красное. Держать Серёжу было непривычно и страшно. А вялую Наташку, измученную бессонными ночами, Колян откровенно жалел.

Да... Опять — мимо адреналина.

Так и текла жизнь ровно, спокойно, без взлётов и падений, без потрясений. Вот в книгах порой пишут: «жизнь неслась как бурная полноводная река». А у Коляна жизнь сочилась медленно, тонкой струечкой. Иногда разольёшь чай по столу, лужица набегит и остановится. Тряпкой вытер — и нет ничего. Так и у Коляна было. Тихо, размеренно. Потом, правда, война, как тряпкой, всю тишину и покой стёрла...

Война... А что война? В войну тоже никаких метаний, никакой лирики. Странно было только, что жизнь как-то не по правилам шла. Точнее, вовсе без правил. Но и в этой неправильной жизни тоже можно было устроиться.

Главное — понять, что именно может с тобой случиться. Война показала, что случиться может всё. Значит, и готовиться нужно ко всему.

Всё у Коляна было чётко продумано, отработано. Когда боевики по домам пойдут, бежать нужно. Если убежать не успели, есть простые правила безопасности. Придут с улицы — Наташка с сыном через двор уходят, Колян отстреливается. Придут со двора — наоборот. Слава богу, только раз понадобилось.

Если бомбёжка — надо в подвал спуститься или в доме около несущей стенки на пол лечь. Или в ванной спрятаться. Если на улице — сесть около бордюра, где бетона побольше. Да в любой канаве, траншее залечь можно! Руками голову закрыть, рот открыть. Всё просто, понятно и скучновато. Без полётов. Почти. Один раз только взрывной волной от соседнего дома отбросило. Контузило слегка, потом прошло. Повезло: все живыми остались, после первой войны из города уехали.

Опять не то!

Так, а после войны что-нибудь необычное случалось? Когда уехали? Нет, пожалуй... Сначала трудновато было на новом месте. Потом всё устроилось: работа, жильё. На жизнь хватает. И на отдых за границей — тоже.

А чувства полёта как не было, так и нет...

В общем, ничего «адреналинового» Николаю Петровичу не вспоминалось. Поэтому он окончательно убедился, что прожил жизнь серую, никому не интересную.

Может быть, теперь всё изменится, после «полёта»? Мир будет другим? Или сам Николай Петрович станет «не таким»? Будет видеть и чувствовать по-другому в новой жизни, полной ярких личностей, умеющих летать, а не ползать?

Вдруг нога подвернулась, и Николай Петрович неловко свалился на острые камни. Попытался встать — не получилось, и он, усмехнувшись над собой: ну, как раз в тему! — опустился на четвереньки и медленно пополз вверх по крутому склону горы.

Как тогда, в войну. Когда только из ямы выкарабкался...

Чудом выбравшись из ямы, Колян пополз по двору мимо ветхого сарайчика, около которого его недавно «расстреливали». Посидел, отдышался, но встать не смог. Пополз дальше: мимо небольших строений, разбитой

машины, трупов мужчин в полевой форме. Были ли среди них «меченый» и конвоиры, Колян не посмотрел. Даже не вспомнил. Потом попадались ещё мёртвые. А вот живых вокруг не оказалось. Он этому не испугался и не обрадовался. Автоматные очереди раздавались уже не рядом, а где-то вдалеке. Колян неторопливо прокладывал маршрут вдоль узкой улицы с разрушенными догорающими домами. Улица эта, будто неровное поле, вспаханное огромным плугом, была вся изрыта, зияла глубокими ямами и колеями. Вот по такой колее Колян и двигался. Несколько метров полз — потом отдыхал.

Так и добрался до обрубка старого дерева. Крона у него была срезана снарядом. Остался только толстый расколотый пенёк, в который и вцепился Колян обеими руками. Встать не получалось, поэтому он лёжа обнял пенёк и замер в этой неудобной позе.

Вдруг что-то твёрдое упёрлось в спину.

— Встать!

Колян, вздрогнув от неожиданности, шатаясь, встал и удивился: получилось!

— Откуда?

— Из Грозного.

— Здесь чего делаешь?

— Домой иду.

— Куда домой?

— В Грозный.

— Ах, в Грозный?! А ну пошёл!

Бледный сутулый лейтенант погнался к большому серому казённому зданию, больно толкая в спину автоматом.

На пороге немолодой военный вяло препирался с полным мужчиной в помятом костюме, который требовал немедленного освобождения задержанной Иры Скрынниковой.

— Она моя дочь. И не виновата ни в чём. Я доцент нефтяного института.

— Без документов она...

— Но я же говорю: она моя дочь! Я доцент...

Тут Колян споткнулся на ступеньке и чуть не свалился военному под ноги.

— Да погоди ты, доцент! Это ещё кто такой? Откуда?

— Из города вроде.

— И зачем ты его сюда припёр?

— Домой, говорит, иду. Без документов, заросший, покоцанный.

— Тут все такие. Шляешься где-то, а тебя уже Глухов два раза спрашивал.

— А этого куда?

— Да хоть в кладовке запри.

Злобно матерясь, лейтенант загнал Коляна в тесную кладовку и запер.

В кладовке было темно, пусто и пахло пылью. Колян прислушивался к топоту, крикам и шуму в коридоре и шарил рукой по полу. Нащупал обломанный жёсткий веник, накрыл его завалившимся в углу обрывком старой газеты, подложил под голову, лёг и незаметно уснул.

Снилась ему бомбёжка. Вокруг ухало, грохотало, гремело, а Колян, как это часто бывает во сне, хотел убежать, но не мог двинуться с места. Проснулся он от сильного удара в бок. Лейтенант застыл в дверном проёме и тыкал в Коляна автоматом.

— Ну ты охренел, в натуре! Ночлежку нашёл!

Он грубо схватил Коляна за шиворот и вытолкал в коридор. Закатный солнечный луч больно ударил по глазам и багровым сполохом осветил лейтенанта: дорожки слёз на грязном лице и мелкие пятна крови на гимнастёрке.

— Пошёл! Ну!

— Куда? — глупо спросил Колян, а лейтенант стукнул прикладом об стену и тонким голосом заорал:

— На х... пошёл! Понял? На х...!

Колян скатился по ступенькам и двинулся в том направлении, куда его неумолимо пихали. Вокруг, как в недавнем сне, всё гремело и взрывалось. Люди бежали по улице и кричали, и Колян кричал и бежал вместе с ними. Потом до темноты прятался под мостом в компании контуженного дезертира. С ним и разделил случайные трофеи: кусочек заветренного сыра, крошки от печенья и чью-то недопитую бутылку воды.

Ночью Колян долго брёл по тёмной дороге вдоль полей и лесопосадок. Только под утро пришёл в какое-то село. Или в деревню. Или в город.

На рассвете он, хромя, плёлся по незнакомой улице мимо ещё дымящихся развалин. Было тихо и пусто. Лишь где-то впереди слышался невнятный шум. Колян двинулся на шум и вскоре оказался у разрушенного

снарядом дома. Уцелела лишь закопчённая часть стены — щербатый неравнобедренный треугольник. Под стеной шуршала и копошилась маленькая старушка в ветхом, дырявом платье, а порывы ветра шевелили её седые волосы и вздымали пепел над обломками кирпичей. В углу бывшей комнаты были аккуратно расстелены пододеяльник и наволочка, почти целые, чуть тронутые огнём, странно белые на фоне чёрного, выжженного пространства.

В них лежало... что-то бесформенное, сложенное странными тёмными кучками. Колян подошёл поближе и понял, что перед ним не старушка, а седая и очень уставшая молодая женщина. Она откинула со лба опалённую прядь волос и строго сказала: «Мишу — в пододеяльник, а Санечку — в наволочку». Потом отвернулась и поползла вдоль стены, перетирая в руках комья серой земли и золу.

Колян утвердительно кивнул, опустил на колени и пополз в противоположную сторону. Он медленно разгребал кирпичные обломки, просеивал землю между пальцами — так когда-то дома гречку перебирал перед тем, как Наташке варить кашу для сына. Нашёл маленькую обгоревшую кроссовку, полную какого-то чёрного порошка, и осторожно положил в наволочку, стараясь не смотреть на её содержимое. Но всё равно посмотрел. И, как ни странно, стало легче, потому что рваные куски и кусочки обугленной плоти были мало похожи на части человеческого тела.

Так Колян с женщиной всё утро ползали и собирали в чистую белую материю то, что раньше было Мишей и Санечкой.

Потом долго бродили среди развалин в поисках лопаты. Не нашли, стали копать яму подручными средствами: Колян — кусками арматуры, через которые земля сразу же высыпалась обратно, а женщина — гнутым металлическим рожком от обуви. Копали долго. Колян еле двигался, уже не чувствуя ног и спины. Он с трудом представлял, как будет выбираться из ямы, хотя могила получалась совсем неглубокой. А женщина, наоборот, будто обрела второе дыхание: набирала полные пригоршни земли из ямы и разбрасывала их в разные стороны. Несколько раз, легко разогнувшись, она поднималась на ноги и спешила к месту, где остались муж и сын, — как будто опасалась, что они могли исчезнуть. Потом с сосредоточенным и спокойным лицом вновь принималась за работу.

Наконец яма была готова. Конечно, не типовая могила на два метра, но и сами похороны тоже обычными не были. Колян и женщина ползком перетащили из-за стены полупустые пододеяльник и наволочку, бережно опустили их в яму и без слов забросали комьями серой земляной массы. Колян стал отползать подальше, чтобы женщина могла побыть с могилой наедине, но она позвала его обратно. Оказалось, нужно было чем-то закрыть яму, чтобы не разрыли собаки. Колян пополз на соседний участок, где из расколотой оконной рамы выпирала железной сеткой чья-то старая кровать. Раздирая руки в кровь, он притащил на могилу кроватную сетку и лёг рядом в тёплую пыль.

Наверное, прошло несколько часов: было уже совсем темно, когда женщина его разбудила. С трудом проглотив горько-солёные консервы, Колян запил завтрак (или обед, или ужин) ещё тёплой водой, а остатками кое-как обтёр лицо и тело.

Утром он проснулся от того, что шею защекотали чужие волосы. Женщина лежала рядом, прижавшись горячим плечом, жалобно постанывала и всхлипывала во сне. Колян осторожно отстранился, чтобы не потревожить её, но женщина вздрогнула, резко села и стала оглядываться по сторонам. Её растерянный взгляд остановился на могиле, и Колян испугался, что сейчас она забьётся в истерику. Но женщина строго взглянула на него сухими глазами, тяжело поднялась и стала искать что-то под стеной — оказалось, собирала остатки еды. Потом привычно, будто давно жили вместе, они молча позавтракали консервами с сухарными крошками, и Колян сказал: «Ну, мне пора». Женщина кивнула и отвернулась к стене. Она сидела, прислонившись спиной к обгоревшим кирпичам, с безвольно повисшими руками — как сломанная кукла. «Может, со мной пойдёшь?» — спросил он запоздало, но женщина молча покачала головой. Колян понял, что она никуда не уйдёт, останется в мёртвом городе, на пустой улице, с погибшими близкими. Он махнул рукой на прощание женщине, имени которой так и не узнал, и направился к своему далёкому дому.

Шёл три дня. Что-то ел, где-то спал. Днём прятался среди развалин, крался по улицам короткими перебежками. Ночью брёл по пустым разбитым тротуарам сколько хватало сил. Потом, после короткого отдыха, вновь поднимался на дрожащие, слабые ноги. То плакал, то в такт шагам пел, когда его никто не слышал. Так Колян и вернулся домой...

Вот и сейчас ноги мелко дрожали, поясница ныла, но Николай Петрович упрямо двигался к заветной цели. Он дополз до вершины горы и разогнулся, крепко держась за согнутый металлический штырь, увенчанный заржавевшей табличкой. На ней на русском и английском языках туристов грозно предупреждали о страшных последствиях прыжков с горы. «Английская» сторона оставалась чистой, а на «русской» кто-то эмоционально выразил несогласие. Надпись была украшена таким профессиональным рисунком, что Николай Петрович даже невольно возгордился талантливыми соотечественниками.

Подойдя к краю обрыва, он осторожно посмотрел вниз. Высоко. Нет, очень высоко. Отошёл. Вернулся к краю. Ещё раз посмотрел вниз. Камни скользкие. Скалы острые. И вообще...

С этой ёмкой и глубокой мыслью Николай Петрович зажмурился и неловко прыгнул.

Полёт прошёл нормально. Только очень быстро. Николай Петрович за короткий промежуток пребывания в воздухе ничего не почувствовал. Даже испугаться не успел. Больно врезался в воду и очень удивился этой боли. Вода, всегда такая мягкая и податливая, встретила его резким ударом.

Отдышавшись, Николай Петрович с трудом доплыл до берега. Долго сидел на песке, одной рукой держался за голову (её будто клещами сдавили), другой осторожно растирал онемевшую ногу. Внутренний голос ехидно спрашивал: «Ну, и где тот адреналин?» И ответа на этот вопрос не находилось.

Потом Николай Петрович поднял голову и убедился, что мир остался прежним. На склоне горы в тонкой зелёной рамке травы отчётливо вырисовывался зад.

Да и сам Николай Петрович не изменился. Только сильно болел живот и всё, что ниже. Было даже не столько больно, сколько обидно — будто отобрали что-то важное и нужное. В затуманенной голове, перебивая друг друга, теснились невесёлые мысли: «Всё правильно: кому — поцелуй над бездной, кому — задница в кустах. Кому — чё, кому — ничё... Рождённый ползать летать не может? Ну и хрен с ним!»

Николай Петрович решительно встал на ноги, охнул, крикнул, подтянул резинку на трусах и, припадая на ушибленную ногу, медленно поковылял обратно к бару.